

Рон Элайша

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ПЛОТНИКА ИОСИФА

Перевод и адаптация Ольги Варшавер

*Тьма.
Вой ветра.*

*На сцене верстак, на нем доски, пила, рубанок, молоток, гвозди.
На заднике — проекция: суровый гористый пейзаж.
На дальней вершине —
очертания трех крестов с распятыми фигурами.
Возле среднего креста — силуэт женщины в накидке.*

*Появляется ИОСИФ. На глазу повязка.
Смотрит на проекцию. Долго.
Вой ветра стихает.*

ИОСИФ Вон, видите? Стоит как вкопанная. В землю вросла. Не уйдет. До конца. Сколько она уж там? Четыре? Пять часов? На ветру слезы твердеют... Падают со стуком, как камни. Если у неё еще остались слезы.

Чего ждать? Отсрочки? Спасения? Что он с креста сойдет? Что вернется в нашу галилейскую сушь и поведет за собой правоверных евреев?

Она ждет. Стоит свою вечную материнскую вахту. Упертая, как ослица. Тридцать три года я пытался посеять в ней сомнение, семя сомнения. Куда мне?! Упрямая, несговорчивая, непреклонная, своенравная. Другой такой не сыскать.

Вот так мне свезло.

*Подходит к верстаку, берет доску.
(Такие ремарки оставлены, чтобы дать намек на замысел автора.
Через пару страниц их уже не будет — всё оставлено на усмотрение создателей спектакля)*

В юности он был и телом, и духом крепок. Но теперь дух высосал из тела все соки. Так что её вахта скоро закончится. Но не её жизнь. И не его. Они будут жить вечно. Она в это верит.

Начинает пилить.

Тогда зачем плакать? Впереди вечность.

Беспощадная, неумолимая вечность. Возмездие за веру.

Бросает пилу.

Поэтому я должен рассказать эту историю. Мою историю. Историю Иосифа бен Иакова из Назарета.

Вам её, конечно, и без меня расскажут. Желающих хватит. У каждого своя корысть. Но правду знаю только я.

Берет рубанок, начинает строгать.

Хотя рассказчик из меня никудышный. Я по дереву работаю. Всю жизнь. И ему хотел ремесло передать. Чтобы всегда мог на кусок хлеба заработать. Но она — ни в какую. Она, вишь, для лучшей жизни его родила. Для более высоких целей.

Она меня слушать не желала. А он и подавно. Этот только её слушал, только мать. Каждое слово этой блаженной впитывал. Про безумные видения, явления, откровения.

Она не одна такая. Блаженных в стране — как грязи под ногтями. На каждом углу пророк, медиум, прорицатель. Придурки, на которых без слез не взглянешь, но они якобы получили доступ к божественному. Причем исключительный. Они повсюду, как саранча. Сожрут любой здравый смысл — не поперхнутся.

Так что выбора нет. Я просто обязан рассказать правду.

Пауза.

Строго говоря, виновата не она, а её отец. Иоаким. Старый хитрован. За версту поживу учуял. Меня то есть.

Я, конечно, тоже не без греха. Глупости творил. Куролесил. А вы что — лучше?

Сперва я женился на Саломее. В постели хороша. Но готовить не умела. И вечно недовольна жизнью. Рожала детей, как подорванная, — всё надеялась, что кто-то из шестерых разбогатеет. Шиш.

По-своему она меня, может, и любила. Да и я её. Особенно её тело. По сей день тоскую. Когда она умерла, дети уже из гнезда упорхнули. И вот сижу я в доме как пень трухлявый. А тут — откуда ни возьмись — Иоаким.

Уж где он сплетен насобирал, не знаю. Но кто-то напел ему в уши, будто я не просто вдовец, но и праведник. И он прямо с порога заявил: ему нужен только я. Вдовец-праведник! А потом добавил:

— Но чтоб не слишком праведный.

И подмигнул.

Клянусь: он подмигнул. Потом сказал, что у него есть дочь. Незамужняя девица двенадцати лет. Созрела для помолвки. Не особо красивая.

Вот в этом он душой не покривил.

А еще — как он выразился — независимо мыслящая.

Тут он, конечно, преуменьшил.

*К этому моменту ИОСИФ, возможно,
смастерил деревянного человечка и говорит с ним;
или двух человечков — и они говорят между собой.*

Ну, я ответил: служанка мне не нужна.

— Разве я тебе служанку предлагаю?

— А что тогда?

— Шанс на земное счастье.

— Земное счастье! Лучше б смерть предложил, легкую да счастливую. Не уверен, что мне, в мои годы, нужна девица с независимым мышлением.

— Ты стар. Того и гляди, разумом ослабеешь. А дети поразъехались. Разве плохо, чтоб за тобой кто-то приглядывал?

— Для пригляда нужна доброта, а не это твоё... независимое мышление...

— Она соблюдает кашрут.

— Она хоть здорова?

— Соглашайся, не пожалеешь.

По одежде и поведению я понял, что он человек зажиточный. И в чем, интересно, будет моя выгода? Но он ничего не предложил. Я спросил:

— Я так понимаю, что девчонка твоя молода, здорова. Прокормить лишний рот тебе не в тягость. К чему спешка?

Он снова улыбнулся, и тут до меня дошло.

— Какой срок?

— Всего три месяца.

— Живот виден?

— Пока нет.

— Кто-нибудь знает?

— Да ты что? Камнями забьют.

Я понял, что дело отлагательств не терпит.

— Кто отец? ... Что, слишком много кандидатов?

— Ей кое-кто приснился.

— Так она ребенок совсем! Детям всегда сны снятся.

— Не такой сон.

— Кто отец?

— Ей приснилось, что её посетил ангел. Гавриил.

Уж не знаю, на что этот Иоаким рассчитывал.

Я сказал, как отрезал:

— Мне не нужны неприятности.

— А если я заплачу? Сто динариев.

— Кто отец?

— Моя дочь не была с мужчиной.

— Ха! Ты ей веришь?

— Она не станет лгать отцу. Сто пятьдесят динариев.

Я промолчал. Усмехнулся.

— Двести.

— Двести динариев, чтобы я прикрыл её срам?

— Да ты за два года столько не зарабатываешь!

Он, конечно, был прав. И я соблазнился. Не то чтоб у меня не было заработка. Наоборот — заказы сыпались как из ведра. В основном, от людишек, которым хотелось красивой жизни. От мелких чиновников-римлян. Мелких — во всех смыслах слова. Хочу стол такой, а не этакий. Хочу древесину такую, а не этакую. Хочу ножки не такой толщины, а такой. Зато, когда приходит время раскошелиться, начинается торг. Не принято у них платить евреям полную цену. Еврея надо непременно унижить. Поэтому я был вовсе не прочь получить эти двести динариев и забыть их надменные римские морды на пару лет.

— Дай хоть взглянуть на неё прежде. А то еще подавлюсь на свадьбе от такой красоты.

Берет другую доску, начинает измерять ладонью, локтем.

Иоаким привел её через три дня. Похоже, силком. Похоже, ей эта затея даром не сдалась. Небось всё мечтала о своем ангеле. Я тоже, признаюсь, был не в восторге.

Двенадцатилетняя девчонка. Ни кожи, ни рожи. Нос — мясистый. В пол-лица. Глаза карие, темные. Грустноватые. Маленькие. Волосы длинные, тусклые какие-то. Дыбятся во все стороны. Верхние зубы вперед торчат. Нижняя губа сильно толще верхней. В общем, дурочка с виду-то. Но овал лица хорош: скулы — точно у египтянки.

И руки. Тонкие. Узкокостные... Совершенство...

Интересно, что делают эти руки, когда она говорит? Когда спорит? Когда что-то скрывает?.. А когда целует?

Я восхищался кожей на хрупких пальцах. Представлял, как эти пальцы ласкают мой лоб. Гладят мой живот. Обхватывают мой член.

— Мария.

Имя прозвучало ровно. На выдохе. Выдох, кстати, был смрадным. Узнаю об этом позже. Но поясню сейчас, чтоб уж с этим покончить.

Представьте: вечно забитый нос и густая слизь, которая стекает по задней стенке горла. Надо отхаркивать или глотать. Отхаркнет слишком сильно — приступ кашля. А за ночь вонючая серо-зеленая слизь собирается в гнойный комок. Отсюда и зловонное дыхание.

Я оглядел её со всех сторон. Эту диковатую, ссутулившуюся от робости девочку. Посмотрел сверху вниз на её макушку, на узкие плечи.

Бёдра ещё уже, чем плечи. Неужели через шесть месяцев из нетронутого — якобы нетронутого — отверстия меж этих бедер она исторгнет человека? Как? Поперёк законов геометрии?

Мария бат Иоаким. Я раскручивал слогги у себя в голове, словно готовился пробовать вино.

Её отец стоял рядом. Он ожидал вердикта, но не произнес ни слова, ничем не выдал своей тревоги, чтобы — не дай Бог — не выросла цена сделки.

Я протянул руку. Коснулся её щеки. Она вздрогнула, отпрянула. Кожа жирная. Перхоть на плечах. Неужели родителям наплевать? Почему не подготовили? Разве сложно нанести каплю мирры за ухо? Вплести в косы ленту? Подкрасить веки? Просто сбегать хотят? А меня презирают?

Я снова обошел её.

— У меня внуки тебе ровесники... Готовишь вкусно?

Тут отец заметил ужас своей девчонки и все-таки заговорил:

— У неё нет опыта, дома у нас слуги. Но она научится! Охотно научится!

— Мне еще и учить её прикажешь?

— Клянусь, всему научим!

Я оттянул её подбородок: открой, мол, рот — зубы проверю. Открыла. Но до проверки зубов дело не дошло — слишком тошнотворно пахнуло изо рта.

Иоаким протянул руку:

— Значит, договорились. Двести динариев.

Внезапно мне стало жаль девочку. Нет — не жаль. Жалость — слишком сильное слово. Но я ей посочувствовал. И ощутил её страх. Она этот страх прямо-таки излучала.

Не осознав, что делаю, я пожал протянутую руку. Хватка Иоакима была крепкой — такой свою добычу не упустит.

Так что же получается? У меня новая жена?

Перемена света.

Пять месяцев спустя Иоаким появился у моей двери. С тремя верблюдами на буксире. И с дочерью — теперь отчетливо беременной. Она мало изменилась, разве что стала толще и угрюмее. Понимала, что путешествие — в один конец.

Иоаким вручил мне кошель с двумя сотнями динариев и большой глиняный горшок.

— Что в горшке?

— Сам посмотри! — Его аж распирало от отцовской гордости.

Я поднял крышку. Месиво из холодных, студенистых бобов.

— Фуу...

— Ты не любишь хамин? — Иоаким искренне огорчился.

— Живот от него пучит.

— А я-то пять месяцев кряду заставлял её хамин готовить. И сам его ел! Каждый день! Что ж: за моего зятя! (*ньет*)

— За моего тестя! (*ньет*)

— За невесту! (*ньет*)

— За долгое, счастливое и плодотворное будущее! (*ньет*)

В тот вечер я напился в хлам. Так было нужно. Потом целую неделю, каждый вечер, Мария кормила меня подогретым хамином и подливала вина, пока я не отрубался.

На восьмой вечер, едва она снова взялась за кувшин с вином, он вдруг выскользнул из её рук и — об пол. Вдребезги.

Мы уставились друг на друга. Трезво. Впервые — как муж и жена.

Она вскочила, предложила почитать мне вслух из древних писаний. Я слушал её вязкий, носовой, убаюкивающий монотон. И провалился в сон.

Разбудил меня хриплый прерывистый храп. Она лежала рядом. Расслабленно. На лице — впервые — не было страха. Подсыхающая слюнка тянулась из уголка рта к уху.

Я отодвинул ткань. Обнажил бледную грудь. Сосок крупный, розовый, налитой. Я наклонился. Коснулся губами. Сосок был как бархат. Я зажал его меж губ. Начал сосать. В рот хлынула горячая струя с рыбным привкусом.

Она проснулась. Вскинулась. Вскрикнула. Ударила меня. Забилась в угол.

- Что ты сделал?!
- Смотрел на твою грудь.
- Я девственница!
- Теперь мы муж и жена.
- Разве отец ничего не объяснил?
- Тут и объяснять нечего. Жена есть жена.
- Отстань! У тебя грубые руки!
- Могу губами.
- От тебя пахнет по́том и луком.
- Я искупаюсь.
- Ты старый урод!
- А ты молодая уродка!

Ну что я несу?! Она боится меня и будущего, а я вздумал дразнить...

- Ты не уродка.
- Нет, уродка!
- Да кто захочет подарить ребенка уродке?
- Это был Бог. Его не волнует внешность.
- Думаешь, Бог не разбирается в женщинах?
- Никогда такого не говори! Даже в шутку!
- Так я всерьез. Бог не доверит уродке родить Его ребенка. Нельзя же, чтоб Его ребенок был уродом.
- Он и не будет. Если пойдет в отца.
- Как он хоть выглядит — отец-то?
- Не веришь?
- А ты бы на моем месте поверила?
- Посмотри мне в глаза. По-твоему, я вру?

Простые карие глаза. Ни намека на лукавство.

— Не врешь. Это твоя правда.

— По-твоему, я сумасшедшая.

— Тебе страшно. Но я тебя не обижу.

— А вдруг возьмешь силой? Ты же мой муж.

— А вдруг тебе понравится?

— Нет. Я не могу быть с другим мужчиной. У меня в животе Сын Божий.

Надули. Меня надули. Во мне вскипела ярость. Захотелось её ударить. Швырнуть на этот живот-шар и сделать с ней всё, что захочу. Научить уважению. Напомнить обязанности еврейской жены. Но разве попрёшь против этакой простоты? Против тупой веры? Святой или коровьей.

Я не ударил.

Однако член мой неотвратно набух. Я повернулся спиной к Марии и принялся дрочить — хотя почти забыл, как это делается.

— Что там у тебя?

— Отстань.

— Покажи, что делаешь!

— Не твоя забота.

— Я твоя жена! Я имею право знать!

— Мне... мне... Надо сбросить напряг.

— Покажи.

Я открыл ей свою наготу. Ужас на её лице. Удивление. Любопытство.

— Значит, этим... делают женщине ребенка?

— Да.

— Почему он такой большой?

— Показать, как работает?

Она скривилась.

— И как ты сбрасываешь этот... напруг?

— Тру.

— Больно?

— Да. Очень.

— Бедный. У меня есть мазь.

Я отдался, позволил ей нанести мазь. И её руки — прохладные, мягкие, невероятные — привели меня туда, куда я давно забыл дорогу.

Я застонал. Влага излилась. Мария улыбнулась. Поцеловала меня в макушку. Очистила мою плоть.

С тех пор она делала это для меня каждую ночь. Иногда два или три раза. И никогда не протестовала — если только я не принимал её сострадание за страсть и не пытался войти в неё.

В миг блаженства я смотрел на мою благодетельницу, на её улыбку и думал: «Может, она и права. Может, внутри неё — Бог».

Перемена света.

Пару недель спустя на пороге появился хмурый Иоаким. Без предупреждения. Мария просияла, подбежала к нему, как маленькая девочка. Они обнялись.

— Можем поговорить?

Он вывел меня наружу, подальше от её ушей.

— Я дал тебе денег. Мне казалось, мы друг друга поняли.

— Ну да, приданое. За брюхатую жену. В чем загвоздка?

— Если б речь шла о том, чтобы прикрыть блуд, я бы дал полтинник. Но за двести динариев я ожидал большего. Моя дочь — девственница. Она носит в себе Сына Божьего. Я надеялся, что молодая девушка для тебя уже не предмет похоти. Но Мария прислала мне письмо. Оказывается, ты её постоянно домогаешься. Предъявляешь свой член, требуешь, чтобы она тебе отдалась. Её это ужасает.

Как?! Как может она рассказывать своему папаше секреты супружеского ложа? И как он смеет вмешиваться?

— Дай слово, что ты к ней не прикоснешься.

— А если она ко мне?

— Это её брак и её личное дело.

Ну ясно: он посвящен даже в эту грязную маленькую тайну нашего союза. Я спросил:

— Хочешь преломить с нами хлеб?

— А что на ужин?

— Боюсь, никаких сюрпризов. Хамин.

— Пучит меня от хамина. Поеду домой.

Как я его не убил? Ума не приложу.

Он сжал мою ладонь твердой хваткой, встряхнул, похлопал меня по спине, улыбнулся и исчез.

Вскоре вышла Мария с веником.

— Папочка?.. Где отец?

— Ушел.

— Но он не попрощался!

— Ему тяжело с тобой прощаться.

— Как жаль! Я новую порцию хамина вчера приготовила!

Я позавидовал Иоакиму.

За ужином она расплакалась.

— Я по родным, по дому скучаю.

— Теперь я твой дом и твоя семья.

— Нам точно нужно ехать?

Ну да, в Вифлеем, на перепись. Сто пятьдесят верст без дорог, по голым холмам. Днем зной, ночью холод. В долине Иордана, кстати, водятся медведи и львы. Не говоря уж о ворах и убийцах.

— Нужно.

— Подумаешь — перепись! Какая разница?

- А если узнают?
- Боишься римлян?
- Львы помягше будут.
- Давай лучше в Иерусалим поедим.
- Я родился в Вифлееме.
- А скажешь, что в Иерусалиме.

Ну что мне? Капризам её потакать?

Обычно я добирался от Назарета до Вифлеема за десять дней. Но с женой на большом сроке — считай вдвое дольше.

- А вдруг ребенок родится в лесу?
- Не родится. Бог не допустит.
- А ты почём знаешь?
- Зачем Богу сын, если Он позволит ему умереть?
- Может, Он передумал. Он ведь часто поступает необъяснимо.
- Бог знает, что делает. Просто положишься на Него.

Насчет всей этой заварушки с Богом и дитём Божьим я давно перестал спорить. Бесполезно. Даже когда ребенок родится, никто ей не докажет, что он просто обычный мальчик. Или девочка. Вера есть вера. Плетью обука не перешибешь.

В тот вечер мы съели побольше бобов. Знали, что это наша последняя плотная трапеза недели этак на три.

- Как думаешь, каким он будет?
- Все младенцы одинаковы.
- А глаза какого цвета?
- Карие.
- Не голубые?
- Карие.
- А роста какого? Высокий?
- В моей семье нет высоких.

— Ему нужно быть высоким. Чтобы его было видно отовсюду — он же будет проповедовать.

— Проповедовать? С чего ты взяла?

— Он будет нести слово Божье. Этого ждет от него его Отец.

Мне захотелось взять её за плечи и встряхнуть. Выбить дурь из этой тупой коровьей башки. Чем она лучше девчонок, которые залетают от неизвестных сердцеедов?

Но я прикусил язык. Рано или поздно жизнь столкнет её с правдой. А пока — пусть мечтает.

Перемена света.

На рассвете мы навьючили поклажу на верблюда и отправились в дорогу.

За десять дней Мария плакала тридцать один раз. Я считал. Мозоли. Вены. Спина. Тошнота. Три обморока. Губы потрескались. Дыхание стало зловоннее. Она ненавидела мух, костерила верблюдов и даже умудрилась проклясть Отца своего ребенка.

Как? Да просто! Муха ей в нос залетела. Крупная мясная муха. Мария кашляла, чихала, давилась, но муху всё-таки проглотила. И закричала:

— Будь ты проклят, Господь! Зачем Ты оставил меня?!

Разок мне пришлось отпугивать медведя — я махал руками и рычал во все легкие. А еще нас ограбили. Дважды. Ночью — стянули бурдюк с водой. Днем — целая банда отобрала кошель и серьги, которые отец ей на свадьбу купил.

— Как тебя угораздило взять с собой такую ценность?

— Эти серьги — папин подарок. Мне с ними, как с папой. Надежно.

— Мария! Я целого медведя прогнал! Я, а не твой отец! Почему тебе со мной не надежно?

— Потому что ты меня вождедеешь.

А ведь чистую правду сказала. Я её вождедел. И однажды — мы оба понимали — я поддамся своим желаниям. Я был главным источником её тревоги.

Перемена света.

На десятый день у Марии начались схватки. Я нес её на закорках — верхом на верблюде она ехать уже не могла. По моей спине стекали родовые воды. От воплей звенело в ушах. От её дыхания начинались рвотные позывы.

В Вифлеем пришли ночью. Остановиться негде — сотни людей. Наконец, женщина по имени Рахиль сжалась и пустила нас в пещеру, в хлев. Козы, корова, люди — теснота.

Рахиль в родах кое-что смыслила — пятнадцать детей родила. Она осмотрела Марию, помрачнела.

— Тазом идет. Придется повернуть.

Рахиль напоила роженицу вином и — под истошные вопли — держа одну руку в промежности, а другую на животе, начала давить, толкать, мять, тянуть — снова и снова. Наконец ребенок перевернулся.

Но выход никак не открывался, Мария уже обессилела, а главное-то было впереди.

Рахиль допила остатки вина, откусила хлеба. Я отвел её в сторону.

— Скажи, когда ты засунула в неё пальцы, ты заметила что-нибудь необычное?

— Маленькая она у тебя. Роды будут трудные.

— Я не об этом. Мне просто интересно. Она... девственница?

Рахиль посмотрела на меня как на идиота. Потом рассмеялась.

— Хорошо, что ты способен шутить.

Я не стал продолжать разговор. Ну, задал глупый вопрос и ладно. Сам знаю, что глупый. Но видно, я сжился с этой странной идеей. Почти уверовал.

Шли часы. Мария в своем углу хныкала, извивалась, корчилась...

— Не хочу. Не могу. Почему Бог заставляет меня это делать? Я не могу!

Потом она начала заговариваться, терять сознание. Рахиль дала ей пощечину. Вылила на голову холодную воду. Потыкала кончиком ножа.

На каждой схватке Мария орала и сжимала в кулаках клочья сена, а под утро погрузилась в сон, от которого даже Рахиль не могла её разбудить.

Я встал на колени возле жены.

— Мария... Мария! Послушай. Тебе нужно тужиться. Головку ребенка уже видно.

— Я умру.

— Не умрешь.

— Вот что Бог уготовил для меня! Он обменяет мою жизнь на жизнь Его сына!

Внезапно её живот напрягся. Она издала нечестивый крик — словно Ангел Смерти рассек её живот косой.

И вот оно... Расплющенное, окровавленное, фиолетовое существо. Меж бедер Марии. Без признаков жизни.

Рахиль схватила его за лодыжки, подняла и похлопала по спине. Один раз, два, три... Она засунула палец ему в рот, вытащила черную слизь. Снова подняла. Похлопала. Один раз, два, три...

Мы ждали, когда он подаст голос. Но слышали только крики обезумевшей матери.

Рахиль перерезала пуповину, повернулась ко мне и покачала головой: ребенок не дышит. Видно, придется сообщить Марии, что Бог не позволил своему сыну пожить и сразу забрал его.

Я погладил Марию по лбу, сжал её руку. Чем тут поможешь?

— Ребенок... Твой ребенок... Ребенок Иисус...

Слышен первый крик новорожденного.

Я обернулся. Ребенок орал. Сучил ножками. Размахивал крошечными ручками.

У нас сын. То есть у Марии сын. Или у Бога. У Бога родился Сын.

Перемена света.

От этого испытания Мария оправилась не вдруг. Лицо и тело её раздулись. Из чрева лилась кровь. Она не могла ни есть, ни пить.

Грудь не давала молока. Рахиль кормила младенца вместе со своим собственным.

Сама Мария младенцем не интересовалась. Не могла простить ему боль и ужас родов. Мелкий, смуглый, с карими глазами. Сплошное разочарование.

А еще он орал. Не по-детски. Такое горькое, беспредельное одиночество было в этом плаче — слушаешь и самому впору зарыдать.

Несколько недель спустя Мария все еще кровила. Кровь стала темной и смрадной. Но я привязал младенца ей на спину, и мы отправились в Назарет.

Перемена света.

Добрались. После шести недель на хлебе и воде даже хамин был мне в радость. Почти.

Молока у Марии не хватало. Вкус его младенцу не нравился. Он много плакал и мало спал. Даже ночью, когда мы думали, что он уснул, во тьме сияли его распахнутые глаза.

Однажды — прошла неделя, как мы вернулись — я возвращался из храма. Жара стояла несусветная. И вдруг услышал.

*Звучит Veh David Yafeh Eynayim. Ансамбль Yamma.
С 32 секунды.*

Женский голос. Самый красивый голос, который я когда-либо слышал. Он плыл по ветру. Легкий, как воздух.

Возле дома голос стал громче. К нему добавились звуки лиры. И я увидел её — через окно. Моя Мария сидела у окна, перебирала струны и пела нашему ребенку.

Она преобразилась. Из капризной девчонки с плохой кожей и дурным запахом — в возвышенное, чудесное существо, не от мира сего.

Тогда я впервые испытал сомнение.

Сомнение — это червь. Оно присасывается, как паразит. Гложет, грызёт. А что, если... я ошибался? Может, она права? Может, она и вправду сосуд Господень? А я — свидетель величайшего чуда?

Я жаждал поверить. Но вдруг я ошибаюсь именно сейчас? Вдруг меня манит её безумие? Свет, исходивший от её лица, казался ангельским. Но Дьявол коварен. А мужчины — дураки. Ведутся на женщин, на любовь. На все, что может смягчить жестокость жизни и дать надежду.

Пока я боролся с демонами, я вдруг осознал, что не слышу другого звука. Где плач ребенка?

Я вошел в дом. На полу, среди подушек, лежал младенец Иисус. Он улыбался! Впервые! Только улыбка была не младенческая. Взрослая. В ней была... Гордость? Презрение? Усталость?

Но пусть лучше улыбается, чем орёт.

С того дня в доме всегда звучали песни. А мое сердце пело от любви к этой странной, одинокой девочке, которая на моих глазах стала женщиной.

Сам не ожидал. Любовь для меня была чем-то из прошлого. Я же слабоумный старик! Тогда почему рядом с ней у меня дрожат руки? Почему частит дыхание? Сжимается живот? Любовь берedit, разрушает мир и не дает покоя...

— На что ты смотришь?

На неё. На мою жену. На мать чужого ребенка, который внезапно стал моим собственным. Как я не замечал этой ясной, ослепительной красоты?

Я опустил перед ней на колени. Распустил её косы. Погладил щеку. Поцеловал плечо.

— Что ты делаешь?

— Ты моя жена. Мне нужно тебя любить.

— Отец написал, что говорил с тобой. Предупредил.

— Ребенок уже родился. Зачем тебе скрывать от меня свое тело?

— Нам ничего нельзя. Нельзя перед ним.

— Перед Богом?

— Перед Его сыном.

Я как-то забыл о присутствии немигающего младенца.

— погоди, я его переложу. Пусть смотрит в другую сторону.

— Не поможет. Он всё видит.

— Он ничего не понимает.

Я провел рукой по её животу.

— Я не перестала кровить.

— Как?

— Вот, смотри.

Она сунула руку под тунику, вытащила: на кончиках пальцев — темная, смрадная кровь.

— Это знак. От Бога. Что ни один мужчина никогда не должен войти туда, где был Он.

Я заплакал.

— Нет! Я хочу тебя. Жажду. Пожалуйста.

Тишина была оглушительной — особенно под взглядом младенца Иисуса. Он смотрел, как рушится брак его родителей. Он молчал.

— Зачем Богу так меня наказывать?!

— Это не наказание. Воздерживаться — это способ проявить уважение и благодарность. За дар Божий.

— Это не дар! Это проклятие!

— Проклятие? Наш сын?!

Внезапно я оказался на полу.

Моя жена, женщина, которую я теперь боготворил и обожал, меня ударила. Выбитый передний зуб пролетел через всю комнату и приземлился у ног младенца Иисуса.

Я встал на ноги, пошатнулся. Она съежилась — ждала, что ударю в ответ.

— Не бойся, не обижу. Я просто...

Я снова потянулся к ней. Опять удар. Нос разбила. Кровь — брызгами во все стороны — даже младенцу на лицо.

— Держись от меня подальше!

Я схватил горшок с хамином и шваркнул об пол. Иначе я бы взял её силой.

Перемена света.

Шли месяцы... Годы. Иисус вырос. Проворный, быстрый. Глаза чернели, как угли. Под его взглядом становилось зябко. То ли судит, то ли смотрит сквозь тебя.

Он был мастак задавать вопросы. Бесконечно. С утра до ночи.

— Отец, ты когда-нибудь видел Бога? Почему Он невидим? Почему Он один? Он одинок? Почему Он не женился? Зачем Он нас создал? Почему Он не сделал нас лучше? Рай существует? Мы все туда попадем? А ад тоже есть? Что сделать, чтобы не попасть в ад? Как понять, что Бог услышал твою молитву? Почему Он иногда выполняет просьбы, а иногда нет? Из чего Он создал Землю? Ему важно, чтобы люди в Него верили? Почему Он позволяет, чтобы умирали дети?

Этот последний вопрос Иисус задал внезапно. Сидел на полу, крутил дрейда. Я ответил:

— Не всем улыбается удача.

— Ты про дрейда или про мертвых детей?

— Про всё.

Иисус задумался.

— А Бог знает, какая буква выпадет?

— Бог всё знает.

— Тогда почему ты сказал про удачу?

Ему было тогда шесть лет. И ответ сошел мне с рук. Я понял, что однажды он станет вдвое старше, и удача мне уже не улыбнется.

Перемена света.

Был канун Песаха. Мы наконец отправились в Иерусалим — куда так стремилась Мария.

Дорога была безопасной. На нас напали всего один раз. Одинокий вор с кинжалом. Мария уже протянула ему наши скромные деньги, но Иисус остановил её руку и шагнул вперед:

— Почему ты хочешь нас ограбить?

— Прочь с дороги! Гоните деньги!

— Попроси вежливо — и тебе воздастся.

— Убью!

— Ты меня не убьешь.

— Считаю до трех!

— Могу за тебя посчитать. Один, два, три.

Внезапно негодяй заколебался.

— С чего ты взял, что я тебя не убью?!

— Я досчитал до трех. Ты мог убить меня уже трижды.

Грабитель выругался и скрылся. Но успел полоснуть мне кинжалом по глазу.

Я закрыл лицо руками. Липкая жидкость сочилась меж пальцев, глаз стал незрячим.

Приняв жидкость за слезы, Мария отчитала меня за трусость. Я убрал руки от лица.

Мария ахнула, а Иисус со своим извечным любопытством коснулся раны.

Я дернулся, отстранился.

— Нет, нет — пусть! — закричала Мария. — Он тебя исцелит!

Сомнение. Опять сомнение. И я замер, подставив лицо рукам мальчика.

Он пробормотал молитву. Поцеловал кончики пальцев. Дотронулся до моих глаз. И вернулся к матери.

— Чудо! Мой муж прозрел!

Толпа паломников слетелась, как воронье. Они таращились на густую белую массу, которая сочилась из моей глазницы.

— Это правда?! Ты снова видишь?

И что прикажете отвечать? Выставить жену лгуньей? Разбить веру сына?

— Это правда. Я снова вижу.

Иисуса подняли на плечи. Вопили о милости Божьей. Он всё это принимал как должное. Он для этого и родился. Впитал с молоком матери. С её песнями. С её молитвами.

— Ты не просто мальчик. Ты потомок царя Давида. Ты сын Божий. Мне ангел возвестил.

— Зачем ему эти рассказы?

— Не рассказы! А чистая правда!

— Возомнит о себе невесть что. Нехорошо.

— Как это «невесть что»? Ты не можешь принять, что он сын Божий?

— А я тогда кто? Призрак? Ничто? Подделка?

— Ты нас кормил, одевал, защищал. Ты научил его быть мужчиной. Ты — наставник Божьего сына!

Каждый раз она переворачивала всё с ног на голову. То я неправ. То неблагодарен. Она отвергала мою любовь как похоть.

— По-твоему, я не женщина, потому что не была с мужчиной? И ты не мужчина, потому что не спишь с женщиной? Мужчина — это вера, честность, мужество, сила, щедрость, терпение... Если у тебя все это есть, зачем тебе — или ему — женщина?

И я снова начинал сомневаться.

Перемена света.

В Иерусалим добрались к ночи. Иисус тут же вырвался и побежал в Храм. А там ведь толпы! Мы нашли мальчика только на закате. Маленький, щуплый, он стоял в окружении длиннородых раввинов.

— Скажите, ребе, как долго Бог пребывал в пустоте, без света и времени, прежде чем сотворил мир?

— В Торе написано: в начале... Всевышний создал начало.

Они, похоже, терялись от его вопросов. Я сказал:

— Пойдем, Иисус. Уже поздно.

Он заартачился. Но беззубый старик-раввин напомнил ему, что нужно почитать отца. Я точно знал, что скажет Иисус ему в ответ. И прежде, чем мальчик открыл рот, я подхватил его в охапку и вынес из Храма.

— Почему ты не дал мне рассказать? Пусть знают, кто мой отец! — Иисус колотил кулаками, куда ни попадя, едва не заехал по почти вытекшему глазу.

Я повернулся к Марии.

— Объясни сыну, что на людях такое говорить нельзя. Тем более раввинам. Примут за ересь.

— Правда — не ересь!

— Они не знают, что это правда.

— Почему ты такой трус? Поучись храбрости у сына!

Она выхватила у меня мальчика. Дала мне пощечину. Пошла прочь. Я догнал её. Оттащил в проулок. Прижал к стене.

— Как ты смеешь, Мария? При моем сыне!

— Он тебе не сын!

Я влепил ей пощечину.

— Парню двенадцать лет! Что сделал твой Бог за эти годы?! Накормил его? Одел? Кто его воспитывал? Кто учил?!

— Лучше б ты остался слепым на этот глаз!

Она пыталась вырваться. Я уже прижался к ней. Чувствовал упругость её груди, бедер, живота. Чем больше она билась, тем больше я твердел.

Она боднула меня головой. Косы распустились. Волосы покрыли нас обоих.

Я зарылся лицом в её шею. Втиснулся между бедер. Разорвал тунику. Вошел в неё.

— А-а-а... Помогите! Помогите!!!

Я зажал ей рот рукой. Толкал. Толкал. Пока все годы страсти и боли не вскипели и не хлынули из меня — в неё.

Я отпрянул, скрыл срам. Она опустилась на землю, в кровавую лужу.

Я обернулся. Иисус стоял чуть поодаль. Смотрел без страха. Без презрения. Без гнева. Просто смотрел. Ему предстояло стать мужчиной.

Перемена света.

Пасха закончилась. Мы не разговаривали. Она не шла рядом. Не преломляла со мной хлеб.

Я не мог извиниться. Ну как? Гнев-то праведный. Она — моя жена. Сама виновата. Довелá. Так я твердил себе. Пока змей Сомнения снова не заклацал клыками.

Вдруг она и вправду понесла от Бога? И я её осквернил? Напал на женщину, которую любил. Изнасиловал. На глазах у сына. Собственного или Божия. Как я мог?!

Но извиниться? Дать слабину? Она ж на этом не остановится. И придется мне вымаливать у неё прощение всю оставшуюся жизнь.

День прошел в молчании, оба мы лелеяли гнев, каждый — свой гнев.

Когда пришло время разбивать лагерь, Мария подошла сама. Встревоженная.

— Где он?!

— Кто?

— Где он!? Что ты с ним сделал?!

— О ком ты?

— Об Иисусе! Его нет!

— Как это — нет? Ты не сказала ему, что мы уезжаем? Ты его мать. Ты та, кого Бог избрал, чтобы о нем заботиться.

— Надо вернуться! Сейчас!

— Путешествовать ночью опасно.

— Тогда я пойду без тебя!

Мы вернулись в Иерусалим. Искали три дня. Мария не спала. Плакала. Рвала на себе одежды. Бормотала на неведомых языках.

На третий день я сказал:

— Надо за него помолиться. Пойдем в Храм.

— И скажем Богу, что мы потеряли Его сына?!

— Думаешь, Он еще не знает?

В Храме наш Иисус и нашёлся. В окружении мудрецов и раввинов.

Мария бросилась к нему. Обняла. Осыпала поцелуями.

— Сынок, почему ты так с нами обошелся? Мы с отцом с ног сбились, пока тебя отыскиали!

— Зачем искали? Разве не знаете, что место мне в доме отца?

Мария притворилась, будто не понимает. А я-то как раз все понял. Окончательно и бесповоротно. Она привезла сына в Иерусалим, чтобы повидаться с его отцом. С тем, кого она по-прежнему любит.

Я схватил её одной рукой, его — другой. Вытащил на улицу.

— Кто он?!

— Отпусти! Больно!

— Отведи меня к нему!

Я встряхнул её.

— Из неё снова потечет кровь? — В голосе Иисуса не было осуждения. Просто любопытство.

— Ты видел своего отца?

Он покачал головой.

— Не ври!

— Он не врет! Ты же знаешь!

— Скажи мне, кто отец!

— Бог — Отец.

— Где его дом?!

— Ты только что вытащил нас оттуда!

Я знал: дело проиграно. Она не признаётся.

На следующий день мы отправились домой. Мария ни на миг не выпускала из виду Иисуса. А я — её.

Перемена света.

Дома она повесила занавеску. Жила отдельно. Я слышал, как она ходит, помешивает хамин, подметает. Но не видел её целыми днями. Даже месяцами.

До того дня.

Я услышал, как льется вода. Восемь кувшинов! Она принимает ванну? Я припал к полу. Выглянул из-под занавески.

То, что я увидел, потрясло меня до глубины души.

— Шлюха! Шлюха!!!

— Уйди от меня!

— Снова прикажешь одевать, кормить и заботиться о чужом выблядке?! Шлюха!

— Я ни с кем не была!

— Ждешь, что я дважды схаваю эту басню?!

— Это твой ребенок!

— Не верю! Это тот мужчина! Твой ангел! Отец твоего Иисуса!

— Это твой ребенок! Твой! Твой!

Я не поверил ей ни на секунду.

Перемена света.

Потом у нас умерла корова. В родах. Денег не было. Я работал не покладая рук. Мария куда-то отлучилась. Вернулась. На тунике кровь. Внезапно она вытащила что-то из-за спины. Бросила на верстак.

Сначала я подумал — теленок. Тот, из-за которого умерла корова. Но присмотрелся. Нет. Ребенок. Человеческий. Не полностью сформировавшийся.

Я дернул её за тунику. Живот был еще вздут, но стал мягким и дряблым, не тугим.

— Что ты наделала?!

— Ты сказал, что не готов растить чужого ребенка!

— Ты сказала, что он мой!

— И это тебе в наказание!

Я схватил тельце.

— Ты это сделала?! Ты убила моего сына?!

— Твоего?

— Снова Божьего?! Или тебя твой любовник обрюхатил?

Я ударил её кулаком в лицо. Хруст. Челюсть ей свернул. Она больше никогда не сможет жевать твердую пищу.

Семь дней и ночей я постился в пустыне. Зарезал наших коз, всех до единой, принес их в жертву. Молился. Бил себя в грудь. Сыпал пепел на лоб. Делал всё, чтобы прогнать Демона Сомнения.

Перемена света.

Шли годы. Иисус вырос. Но по-прежнему задавал вопросы. Бесконечные. Вопросы, на которые не было ответов.

Я уважал его за пылливый ум. С таким умом стать бы судьей или влиятельным человеком! А этот знай себе спорил. Задавал вопросы. Снова спорил. И не стеснялся говорить людям, что он сын Божий.

Некоторые вежливо отмалчивались. Некоторые отмахивались как от безумца. Некоторые грозились забить камнями. Признаюсь, я наблюдал за ним с долей гордости. Пусть не я его породил, но я его воспитывал, учил, лепил из него человека, которым хотел быть сам. Праведного, мужественного. Который знает себе цену. Которого не гложут сомнения.

Ему исполнилось восемнадцать лет. Мы рубили дрова. Ранним утром. Лия, соседская дочь, прошла мимо нас к колодцу. В её глазах мерцали бледно-зеленые огоньки. Она улыбнулась Иисусу.

Я наблюдал. Иисус не повернул головы. Но следил за каждым её шагом.

— Красивая девушка, верно? — сказал я.

— Угу.

— Так поговори с ней.

— У неё нет ответов на мои вопросы.

— Тебе восемнадцать. Пора завести семью.

— Завтрашний день сам о себе позаботится.

— Ты не хочешь иметь детей?

— Детям нужна любовь. У меня есть только любовь к Богу.

— Так и собираешься жить? Никогда никого не полюбишь? И чтоб тебя никто не любил? Грустно это.

— Ты меня любишь?

— Люблю. Как мой отец меня, так и я тебя.

— А мою мать? Её ты любишь?

Я лгал? Нет. Я все еще её любил. Со сломанной челюстью. С её холодностью и угрюмством.

— Но ты делал ей больно. Из неё текла кровь.

— Иногда любовь заставляет человека поступать дурно.

Не уверен, что он понял. Но на женщин при мне он больше никогда не смотрел.

Перемена света.

Иисус начал пропадать на тридцатом году жизни, надолго. Уходил без предупреждения.

В первый раз он исчез на неделю, от шабата до шабата. Вернувшись, ничего не рассказал, но он... изменился. Стал более осмотрителен в движениях... А шаг его стал шире и тверже.

Мария не тревожилась. В её представлении он — сын Божий, и значит, его никто не обидит. Недалёкая, ограниченная женщина! Таким хорошо — их спасает вера.

Я-то подозревал, о чем речь: Иисус навещает своего отца. В сущности, он в этом признался, когда я спросил в лоб:

— Ты когда-нибудь видел своего отца?

Он промолчал.

— Я знаю, что ты не умеешь врать. Сейчас не врешь, но молчишь — значит, это истинная правда.

— Я сам — Истинная Правда.

— Ладно, молчи дальше. Рано или поздно я его сам найду.

— К моему Отцу приходят только через меня.

— Помни, что твоя мать — моя жена. В этой семье ему нет места.

Он развернулся и ушел. Именно тогда я решил, что в следующий раз, когда он исчезнет, я пойду следом.

И пошел. Ночью. Высоко в горы. Он сидел там посреди голой пустоши, один. Пил воду из бурдюка, но ничего не ел. Я ждал. Один день. Два. Пять. Никто не пришел. Через два шабата я вернулся домой.

Спустя четыре шабата Иисус тоже вернулся. Изможденный. Кожа да кости. Щеки впали. Губы в трещинах и запекшейся крови.

— Что случилось?! Кто сделал это с тобой?!

— Дьявол.

Мария поставила перед сыном хамин. Он отодвинул.

— С этого дня я буду есть только хлеб.

Ха! Этот мог. Остаток жизни он прожил на хлебе и воде.

Перемена света.

Вскоре Иисус заявил, что уходит к морю, в Капернаум.

— Зачем?

— Мне пора выйти в мир. Нести людям слово.

Мария всегда знала, что он станет проповедником. Но так скоро?!
Набросилась она, разумеется, на меня.

— Это все ты! Ты его довел!

— Иисус взрослый человек.

Мы благословили его. Дали несколько монет. Хлеб и воду.

— Когда ты вернешься?

— Возможно, никогда.

Мария грохнулась на пол. Иисус встал и покинул дом. Я смотрел ему
вслед. Он становился все меньше. И наконец исчез. Ни разу не
оглянулся.

Перемена света.

Прошло много месяцев. До нас долетали слухи: о великих проповедях, о
чудесных исцелениях, о многих последователях. Поговаривали, что
Иисус настолько близок к Богу, что он, возможно, сам Бог и есть.

Мария решила отправиться на поиски.

Вернулась через два шабата. Усталая, голодная.

— Нашла?

— Да.

— Что он сказал?

— Он проповедовал в синагоге. Двери были закрыты. Я передала, что я снаружи, что хочу поговорить. Ждала. А он вышел через другую дверь. Даже не взглянул.

Она рыдала безутешно. Я обнял её, притянул к себе. Она позволила, прильнула ко мне. Я поцеловал её в макушку. Она прижалась губами к моим губам. Я лег с ней. Мы были покинутые отец и мать. Мы были вместе.

Перемена света.

Однажды Иисус пришел в Назарет. В синагоге было не протолкнуться — все жаждало послушать великого проповедника. Но соседи-то помнили его маленьким пацаненком. Помнили, как он носился по переулкам, как карабкался на деревья, как прыгал с ветки на ветку, точно мартышка. Чему он может нас научить? Что может знать о мире? Где почерпнул свои знания? На деревьях? Все перешептывались: сын плотника, сын плотника, сын Марии — угрюмой женщины с вонью изо рта. Якобы девственницы!

Ропот толпы. Шум. Рёв. Мы с Марией стояли там, желая хоть мельком взглянуть на сына. Мы гордились им и в то же время боялись: вдруг люди поднимут его на смех, опозорят, причинят ему боль или вред?

Он появился. Это наш Иисус? Взгляд дикий. Волосы и борода всклокочены. Он ли? Или чужой?

Он заговорил. Тихо, невнятно. Ропот усилился. Он не пророк! Шарлатан! Сын плотника не может быть пророком!

— Мошенник! Мошенник!

В Иисуса полетели гнилые плоды. Началась драка. Его вывели через черный ход.

Мария в слезах бросилась домой. Но я решил во что бы то ни стало найти его, обнять, напомнить, что у него есть дом.

Я оббежал здание. Столкнулся с ним. Лицом к лицу. С моим сыном.

Сначала он не узнал меня.

— Чего ты хочешь?

— Я твой отец.

— Мой Отец на небесах.

— Я хочу тебе помочь.

Я потянулся обнять. Он вырвался.

— Сам справлюсь. Это моя битва.

— Зачем тебе битва? Тут твой дом. Мирный дом.

— К черту! Не мир пришел я принести, но меч!

В его глазах горел ужасный огонь. Словно он вот-вот вытащит кинжал. Только... За этим огнем я увидел маленького мальчика. И его страх.

— Позволь тебе помочь, Иисус. Мы — твоя семья.

Я снова протянул руки. Он оттолкнул меня. Его уши остались глухи к моим мольбам.

— Воистину нет пророка в своем отечестве... и в своем доме, -- произнес он. И зашагал прочь.

Дома я всё рассказал Марии. Она зарыдала и разодрала одежды, оплакивая потерю сына.

Перемена света.

На следующий день он отправился проповедовать в другие земли. И называл лицемерами тех, кто говорил: почитай отца твоего и мать твою.

До нас долетали слухи. О его неминуемой смерти. О неизбежном воскрешении. О спорах между учениками. О драке с менялами в Храме. Он въехал в Иерусалим на осле! Он предсказал разрушение Храма. И Страшный Суд.

И, наконец, слух о заговоре. Нашего сына хотят убить. Мария вскинулась:

— Надо идти в Иерусалим. Наш сын в опасности.

— Но он сын Божий. Бог его и спасет.

— Не спасет, если собственные родители отвернутся.

Наутро мы отправились в Иерусалим.

Перемена света.

На улицах толпы. Мы ходили от дома к дому. Где великий проповедник? Здесь. Был здесь. Арестовали. Он преступник.

— В чем его преступление?

— Богохульство!

— Как так?

— Он называет себя сыном Божиим.

— Всё ты, Мария! Твои байки! Я предупреждал! А теперь его казнят!

— Бог защитит его.

Мы пробрались к дому римского наместника Пилата. Он решал судьбу нашего сына. Толпа бесновалась. Пилат вышел на балкон.

— Кого вы хотите, чтобы я отпустил? Варавву или Иисуса, называемого Христом?

— Иисус! Варавва! Иисус! Варавва!

Пилату это, как я понял, надоело. Ему вынесли кувшин с водой. Он торжественно вымыл руки и сказал:

— Я с этим делом покончил.

Толпа взревела. Нас с Марией разнесло в разные стороны. Боясь, что меня затопчут, я скользнул в приоткрытую дверь. Лестница вела наверх. Я увидел их — Пилата и Иисуса. Они разговаривали. Умолкли, заметив меня.

— Кто этот человек? — возмущенно спросил Пилат.

— Я его не знаю, — сказал Иисус.

— Но я его отец!

— Тогда почему он говорит, что не знает тебя?

— Мать забила ему голову пустыми рассказами. Но это неважно! Послушайте: мой сын хороший человек. Праведный. Он творит добрые дела. Нет причин его казнить.

— Не вмешивайся! — закричал Иисус. В глазах — вызов, почти ненависть.

— Я хочу помочь!

— Мне не нужна твоя помощь! То, что судил Бог, должно быть оставлено Богу!

— Так ты знаешь этого человека? — спросил Пилат.

— Он муж моей матери.

— Но не твой отец?

— Мой отец — Бог.

— Иисус — замолчи. О матери подумай!

— Будь она проклята! — воскликнул Иисус и повернулся к Пилату. —
Веди меня на распятие! Распни меня! Сейчас же!

— Не слушайте его! — крикнул я. — В него вселился дьявол.

Пилат усмехнулся.

— Раз в нем сидит дьявол, казним парня и дело с концом!

— Я не это имел в виду! Не передёргивай!

— Приступайте! — рявкнул Пилат.

Звук: толпа скандирует «Иисус! Иисус! Иисус!», потом резко стихает.

Перемена света.

Он возвращается к верстаку.

Забивает последние два гвоздя. Поднимает свою работу.

Это гигантское распятие.

Осматривает его — прочное, надежное, правильных размеров.

Римляне обожают публичные казни. Стоишь на обочине, а мимо тебя какой-то бедолага тащит к месту казни свой крест. Содрогнёшься. Взмолишься: Боже, пусть минует меня этот кошмар. Не дай им пронзить мою плоть гигантскими гвоздями.

Звук: тяжелый звон металла о металл.

Левое запястье... Как тело может вынести такую боль? Теперь правое.
Теперь лодыжки. Боже, не позволяй делать это со мной!

Поднимают резко. Плоть рвется. Зной. Мухи. Пот. Кровь. Боль. Час за часом. Невозможно дышать. А люди пялятся. Тычут пальцем. Смеются.

Отсюда, если приоткрыть глаза, виден весь Иерусалим. Белые камни Храма. Последнее, что он увидит перед смертью.

На заднике снова Голгофа с тремя крестами.

Вой ветра.

Вон она — в толпе, впереди. Ждёт. О чём думает? Что чувствует, глядя на сына? Гордость? Стыд? Жалость? Или просто боль?

Я тоже смотрю. Только издали. Не могу не смотреть. В конце концов, он мой сын, не могу я сейчас его бросить. Хотя он покинул меня — в сердце и в разуме — давным-давно.

Что я чувствую? Остались ли чувства? Я стар. Кажется, я видел всё. Я помню тот день, когда она пришла ко мне. С ним во чреве. Она знала. Уже тогда знала. А я больше ничего не знаю.

Я держал его на руках. Вытирал ему задницу. Водил в храм. Слушал. Учил. Я делал с ним всё, что отцы делают с сыновьями. Настоящие отцы.

И всё же... И всё же...

Когда его сняли с креста, рядом была она. Держала его тело на руках. Страшное, истерзанное, изгаженное тело. Гладила его своими чудесными руками.

Она не могла плакать. Просто гладила окровавленное месиво. Целовала.

И в тот момент я ей завидовал. Завидовал её боли. Её близости. Её неразрывной связи с сыном. Завидовал тому, что есть у женщин и чего никогда не будет у мужчин. Я плакал теми слезами, которые она не могла выплакать.

Когда пришло время погребения, родственников вызвали прочитать Каддиш. Я шагнул вперёд.

— Я его отец.

Люди расступились.

— Йитгадаль ве-йиткадаш Шмэ раба...

— Нет! — Это закричала она, моя Мария. — Он ему не отец!

— Я воспитал этого мальчика! Он моя плоть и кровь!

— Нет! Он сын Божий!

Каддиш так не был прочитан.

Перемена света.

Пришло время покинуть город. Мария отказалась идти со мной.

— Он восстанет. На третий день. Он обещал.

У меня не хватило духу с ней ссориться. Она — мать. Я ушел в Назарет один.

Мария появилась на пороге спустя десять дней. Лицо изможденное. Серое. В глазах — странный свет.

— Я видела его. Он воскрес.

Я не перебивал. Для неё сын был жив. И всегда будет жив.

Наутро она складывала вещи.

— Куда ты идёшь?

— Мне нет причин оставаться.

— Ты моя жена.

— Ты никогда обо мне не заботился.

— Неправда!

— Неправда? Я была тебе женой. Подарила тебе сына. Цель в жизни. Будущее. Истинную связь с твоим Богом. А что ты дал мне взамен? Ты старик, который всю жизнь ищачил на своих римских господ. Тихо прожил, не роптал. И сына отдал на поругание.

По сути, она была права. Я не из тех, кто вступает в бой. Никогда не пытался.

— Береги себя. Прощай.

Она поцеловала меня в лоб и ушла навсегда.

Перемена света.

Иосиф убирает инструменты.

Интересно, какой была бы моя жизнь, откажись я от предложения Иоакима?

Это было бы разумно. Пилить, строгать, молиться. Я бы умер счастливой смертью.

Но я впустил в свою жизнь молодую девушку. И вместе с ней — это странное существо. Этого Иисуса, сына Марии, сына Божьего. И я стал частью его истории. Истории огня, борьбы, надежды, насилия и смерти.

Про него расскажут много баек. Хвастуны и подхалимы, послушники и фанатики, безумцы и зеваки — все наплетут сказок о великих подвигах и чудесах. О страданиях и искуплении.

Но они не расскажут вам историю тихого человека. Человека, который прожил свою жизнь как мог. Который чтит Бога и ближних. Просто человека. Со всеми человеческими недостатками. Человека по имени Иосиф.

Перемена света.

Эта женщина постучалась ко мне три дня назад. На руках младенец. Вокруг еще шестеро — мал-мала-меньше. Старшему лет тринадцать-четырнадцать.

— Лия?

Она спросила об Иисусе. Мол, она наша соседка, но давно его не встречала.

Значит, она ничего не знает?

Я скрыл правду. Сказал, что он отправился в дальние страны.

— Я тут часто мимо проходила. А он на меня смотрел украдкой. Однажды заговорил у колодца. Покраснел. Запнулся. Протянул руку и коснулся моих волос. Мы ушли за гору. Нашли укромное место. Говорили, говорили... Я до сих пор вспоминаю тот день.

Она улыбнулась — грустно так — и пошла дальше. Стала скликать детей.

— Иеремия! Авраам! Иисус, води их сюда!

Да. Её старшего сына звали Иисусом. Я не ослышался.

Я не ослышался.

Затемнение.

Конец